

ISSN 0204-3432

ЖИВАЯ СТАРИНА

4 '2010

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

Н.В. Дранникова
(доктор филол. наук)

**Этнокультурная традиция Сояны как локальный тип поморской культуры.
(по материалам экспедиции Поморского государственного университета в 2009 г.) ***

С 1 по 14 июля 2009 г. работа экспедиции Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (далее – ПГУ) проходила в одном из самых отдаленных и труднодоступных населенных пунктов Мезенского района Архангельской области – деревне Сояне, в полиэтническом регионе, где проживают русские и ненцы, ассимилировавшиеся с ними. Была предпринята также поездка в соседнее с Сояной село Долгощелье. В экспедиции принимали участие студенты филологического факультета. Сояна находится на одноименном притоке реки Кулой, впадающей в Белое море, в его нижнем течении. Экспедиция продолжила обследование Кулойского региона, начатое ПГУ в 2003 г.ⁱ Тогда нами была организована работа в верхнем течении Кулоя – в деревнях Совполье и Карьеполье, входящих в состав Совпольского сельского совета, территория которого в различные периоды времени административно входила то в Мезенский, то в Пинежский уезды.

Сояна была основана жителями села Долгощелье (находящегося в 30 километрах от Сояны) в середине XVII в., до середины XVIII в. она - вотчина Антониево-Сийского монастыря. В 1856 г. здесь была построена церковь Петра и Павла (на ее содержание жертвовали деньги канинские ненцы).

Целью экспедиции 2009 г. было изучение современного состояния этнокультурной традиции и локальной идентичности местного населения, а также сбор материала, связанного с различными промысловыми практиками. По типу хозяйства населения обследованная нами территория занимает промежуточное положение между поморской и аграрной частями Мезени, ее жители помимо традиционных морских промыслов занимались сельским хозяйством. В наши дни на территории района различными законами ограничен традиционный лов рыбы, постановлением правительства запрещен промысел тюленя, в тяжелом состоянии находится местный рыболовецкий колхоз.

Участники экспедиции (2009) провели фронтальное обследование фольклорной традиции Сояны и частично села Долгощелья. За время экспедиции опрошено более 50 местных жителей в возрасте от 12 до 102 лет, сделано 10 часов видеозаписей, 43 часа аудиозаписей, 1145 фотокадровⁱⁱ.

Участники экспедиции в д. Сояна Мезенского района, 2009 г.

Специфика обследованного нами региона заключается в том, что начиная с 1920-х годов поблизости от Сояны существовали две коммуны, три спецпоселка, население которых составляли раскулаченные крестьяне из центральных областей России, спецпереселенцы. Во время Великой Отечественной войны по решению Совета народных комиссаров для работы на рыбных промыслах сюда переехали жители Поволжья, Рязани, Кировской области и других областей СССР, в 1930-е гг. строили дорогу репрессированные эстонцы и т.п.

Несмотря на доброжелательность местного населения, собирать материал было достаточно сложно. Получить информацию можно было только в том случае, если собиратель сам хорошо знал этнокультурную традицию этого региона и задавал конкретные вопросы. Приходилось обращаться к детским воспоминаниям информантов. Например, имеющиеся сведения о том, что четверг на Страстной неделе назывался *Пречистым*, удалось подтвердить только при опросе десятого информанта.

Ареал Кулоя не был краем, где систематически велась запись фольклора. Он оказался гораздо менее обследованным, чем соседние с ним Мезень и Пинега. В 1901 г. на Кулое записывал былины А.Д. Григорьев (второй, кулойский, том «Архангельских былин и исторических песен» вышел в 1939 г. в Праге). В 1916 и 1921 гг. в этих же местах собирала фольклор для своего сценического репертуара О.Э. Озаровская. В 1975 и 1976 гг. в кулойских деревнях работала экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, ее участники зафиксировали здесь богатую фольклорную традициюⁱⁱⁱ.

Коммуникативная память локальной общности распространяется приблизительно на 50 лет. Нарушение межпоколенной культурной связи в советский период привело к тому, что в процессе наших полевых исследований приходилось сталкиваться с тем, что некоторые из исполнителей не помнили своих дедов. Им было неизвестно о том, что их предки были хорошими исполнителями былин (память о кулойских сказителях начала XX в. сохранила книга А.Д. Григорьева). Мы встретились с потомками Нечаева Максима Ивановича, Сычова Андреяна Яковлевича и Мелехова Ефима Кирилловича, репертуар которых вошел в собрание А.Д. Григорьева. Информанты практически ничего не знали о своих предках. Репертуар потомков можно охарактеризовать как более, чем скромный.

В 2009 г. мы записали единственную эпическую песню. С огромным трудом, при помощи наводящих вопросов одна из исполнительниц (82 лет) вспомнила балладу «Муж-солдат в гостях у жены», которую, по ее словам, исполняла ее мама.

Т. Г. Крапивина, д. Сояна, 2009 г.

Обрядовый календарь Сояны сформировался на основе общерусского. Мы записали воспоминания о съезжих праздниках: Петрове дне в Сояне и Иванове дне в Долгощелье. Лучше всего сохранилась память старожиллов о святочном цикле праздников. Можно предположить, что святочная обрядность была достаточно развита. От Буториной Марфы Андреевны (102 лет) удалось записать виноградию холостому парню «У Михаила в соборе у Архангела». Следует отметить, что виноградию потеряло ритуальный характер и, по словам исполнительницы, могло исполняться в любое время года. Соянцы помнят, что с Пасхи и до Петрова дня, как и по всему Зимнему берегу Белого моря, у них некогда проходили молодежные гулянья на улице - *петровщины*.

Нами зафиксированы сведения о местных праздниках. Первый из них - это *Свет`ина*, отмечающийся в Сояне 29 января. В этот день была освящена местная церковь. В каждой деревне, по словам информантов, была своя Светина. Вторым местным праздником – *Ов'ещенье*. Он отмечался в конце мая перед выгоном скота на пастбище. В этот день совершали крестный ход.

Традиционной для северо-восточной архангельской традиции является местная строительная обрядность. Названия ее основных этапов: *Окладно*, *Матично*, *Князево*, *Дымово* – встречаются во всех северо-восточных районах Архангельской области.

<Клади что-нибудь в основание дома?>

- Ну деньги там, не металлические, не рублями и какими-то бумажными либо там, ну какие раньше деньги были, ложили на стойки в углах.

<Для чего это делалось?>

- Чтобы лучше жить, наверное, для этого, чтобы дом богатый был, богатство в доме.

Матичное отмечали.

Ну, это, вот эти, балку ложат, ну которая потолок крепит. Праздновали матичную. Пили, собирались все строители, которые участвовали, гуляли немножко.

Еще праздновали, когда князевое делали. Ну когда уже сводили стропила или что.

Князевое называлось. Это тоже празднуют.

<Делали обереги для дома?>

- Обереги для дома... вот святой водой. Туда святую воду поливали в углы, это которая на Крещение, вроде, собирали воду, ну она не мутнеет, не портится, светлая целый год стоит.

Ну вот этой водой в углах иногда и поливали немножко

(ФА ПГУ. П. 598. Л. 99. Мелехов Егор Дмитриевич, 1935 г.р.)

< Как у вас в деревне строился дом?>

- Начинают строить с фундамента, с чего больше. Строили в свободное время от сельскохозяйственных работ, осенью обычно. Выкапывают ямы, ставят стойки деревянные. Потом ставят капитальные стены. Эти стойки ставят, зарывают, утрамбовывают землю, потом выравнивают их и делают первый венец – рубят окладное. Окладное – это основание дома. И после этого хозяева работников всех угощают. Это, значит, закладка первого венца.

< Как выбиралось место для строительства дома?>

- Ну, старались на высоком месте ставить, чтобы грунтовых вод близко не было. Всем известны эти правила. А дома в деревне старались ставить друг от друга на определённом расстоянии, и всё. Потом, значит, после закладки первого венца, рубят стены, и до первого

перекрытия балки под потолок ставят – матицей называются эти балки. Ну и матична здесь, тоже самое - угощают всех. Матицу перекрывают. Потом, когда сводят, стропила ставят. А когда, это, полностью обрешётку делают на крышу, дак это князево' называется – это, значит, когда князя наверх закатят. Дак тогда уж князево' празднуется. Кладут печки потом. Печки складывают - выпускают дым. Дак опять дымово' празднуют.

< Кто первый входил в новый дом?>

- Дак у нас-то входил самый старший человек в семье. Допустим, нас в этот дом отец завёл, а я уже своего сына

< Как новоселье называлось? Как праздновалось?>

- Новоселье и называлось. А праздновалось, дак собирались все – родня, строители – и угощали, веселились. Пили, кому что нравится. Пели всё, что в голову не взбредёт.

< А как должны были лежать половицы в доме?>

От окон к дверям.

(ФА ПГУ. П. 598. Л. 100. Крапивин Василий Николаевич, 1941 г.р.).

Также нас интересовали практики, связанные с охотой и рыбной ловлей. По местной терминологии, существовали *походы семги*, приуроченные к календарным праздникам: Ивановский, Петровский, Ильинский, на Третий Спас и Михайловский.

Современные охотники хорошо знают календарные приметы, хотя сейчас постоянно приходится слышать от них, что информацию о погоде они берут из передач по радио и телевидению.

Названия местных ветров, от которых зависел лов рыбы, представляют собой целую мифологическую систему (*морянка, шелонник, побережник* и др). Она ранее уже была рассмотрена в статье, посвященной итогам нашей экспедиции в Зимнюю Золотицу^{iv}.

Так как Сояна представляет территорию межэтнического пограничья и ассимиляционных процессов, большой интерес для нас представляли ненецкие обряды и обычаи, которые Приведем некоторые примеры. Чтобы волки не напали на оленей, ненцы на лыжах делают магический круг вокруг стада. Говорят: «Крещеного черта держит». В качестве оберега они носили на поясе медвежий клык.

Среди ненцев существует легенда о золотой бабе (идоле), которую охраняют посвященные, но кто из ненцев, проживающих в настоящее время в деревне, является посвященным, сказать отказались.

Житель д. Сояны Г.Г. Рочев, 2009 г.

Персонажи русского мифологического пантеона в обследованном ареале типичны для северо-восточной традиции. Значительную часть из них составляют «духи-хозяева», представители и покровители природных и культурных локусов и объектов. Сюжетно оформленные тексты о них и поверья справедливо можно относить к области «классического» фольклора. При этом в отличие от ряда других традиционных жанров, мифологические рассказы продолжают активно бытовать и в настоящее время, - благодаря устойчивости традиционных представлений и практик, на которых основываются, а также благодаря самой исполнительской форме, то есть рассказыванию.

Н.В. Дранникова и А.С. Крапивина, д. Сояна, 2009 г.

В северо-восточном ареале архангельской традиции наблюдается типичный набор мифологических персонажей: леший, домовый (или его зооморфная ипостась – *ласка*), *водяной чертушко* (чаще *черт*, *чертушко*), *полудницы* (или *ржаные задержихи*); реже встречаются рассказы о *полуношнице* (духе болезни), почти отсутствуют (или исчезли из живого бытования) образы *амбарника*, *гуменника*, *овинника* / *овинницы*^v.

Обращает на себя внимание широкое распространение в Сояне и на северо-востоке Архангельской области рассказов о духах болезней, в первую очередь, об *икоте*. Наибольшую популярность подобные рассказы имеют в Пинежском районе, в меньшей степени они встречаются в Мезенском, Лешуконском районах, Ненецком автономном округе (по реке Печоре) и в Поморье (д. Зимняя Золотица, Койда и др.), в низовьях Северной Двины (Холмогорский и Приморский районы). Считается, что *икота* – это специфически севернорусское обозначение явления, которое носит название кликушества и проявляется в раздвоении языковой личности: в человеке начинает говорить чужой голос, иногда членораздельно, иногда междометиями. Болеют преимущественно женщины. По поверьям, в виде *икоты* в человека вселяется (или было посажено) некое демоническое существо^{vi}. При этом в северо-восточной архангельской традиции *икотой* называют многие психо-физиологические аномалии с широким спектром симптомов: выкрики (собственно кликушество), неадекватное поведение, физическую немощность, изменение пищевых пристрастий (в частности появление тяги к алкоголю и пр.). Объясняется это тем, что *икота*, находящаяся внутри человека, начинает требовать от него употребления той или иной пищи или алкоголя. По верованиям местных жителей, *икота* возникает из-за порчи, насланной другим человеком. Она «проникает» в человека в виде мыши, лягушки, лягушечьей икры, или *нароса* (с. Сура Пинежского района), в виде оводов и мух (д. Сояна, Кимжа Мезенского р-на), маленькой камбалы (д. Погорелец Мезенского р-на). Ее внезапное появление может быть инициировано упоминанием имени нечистой силы, которую неожиданно произносит адресат. *Икота* может быть передана во время Святков или проведения обрядов жизненного цикла человека. Она может находиться в водоеме, в грязной воде, под поветью (хозяйственной частью дома) и в прочих самых разных местах^{vii}. В Сояне *икота* наделяет человека, в которого она вселилась, способностью к ясновидению.

В каждой деревне существуют предания, раскрывающие происхождение ее названия. С их помощью жители деревни создают образ своего селения. Нами обнаружено 3 предания, в которых объясняется происхождение Сояны. Первое из них утверждает, что река перед деревней имеет изгиб, напоминающий букву С, и это будто бы послужило причиной возникновения названия деревни. Согласно второму преданию, название

деревни состоит из первых букв фамилий переселенцев: Сычева, Орлова, Янкова, Нечаева. Третий сюжет связывает имя поселения с ненецкими «корнями»: будто бы в переводе с ненецкого языка Сояна означает «родился я».

В сфере нашего внимания находилась устная история Сояны. Нами записаны рассказы женщин о том, как в юности в годы войны они работали на лесозаготовках в южных районах Архангельской области. По их мнению, мезенцы по сравнению с жителями других территорий оказывались в этих тяжелых условиях наиболее приспособленными к голоду и трудностям («Приходим с работы, а там каждый день в бараке две-три девки мертвые лежат»). По рассказам соянцев, они ходили более 300 километров пешком до Канинского полуострова для лова наваги. При этом они сравнивают свои переходы с тем, как Христос шел на Голгофу. Устойчивым в рассказах является воспоминание о том, как после войны женщины наравне с мужчинами ходили на зверобойный промысел в море и др.

Из Сояны участники экспедиции выезжали в село Долгощелье, представляющее собой другой тип культуры – поморский.

Старинный дом, село Долгощелье, 2009 г.

Жители Сояны и Долгощелья имеют устойчивую локальную идентичность. Об этом свидетельствуют формы идентификации и самоидентификации, проявляющиеся в прозвищной фольклорно-речевой практике. Жители этих селений противопоставляют себя друг другу: обмениваются прозвищами при встрече, когда приезжают в другую деревню; раньше локальными прозвищами они приветствовали друг друга во время съезжих праздников. *Чухари* (так называют глухарей) – эндоним, который принимают по

отношению к себе жители Сояны; *турки, Турция* – эндоним села Долгощелье). Соянцы про себя говорят: «Мы переселенцы, Долгощелье – поморы». Нам пришлось быть свидетелями ситуации, когда наш проводник, с которым мы добирались на лодке из Сояны в Долгощелье, обратился с вопросом к жителю этого села, называя его турком, что не вызвало негативной реакции со стороны последнего. Еще одно прозвище (*бобыли*) закрепилось за жителями д. Сояны Мезенского района среди представителей старшего поколения, проживающего в соседних деревнях. Его происхождение современные информанты объясняют тем, что в деревне много холостых мужчин. Прозвище имеет исторический контекст. *Бобылями* назывались люди, не имеющие своей земли и не несущие государственного тягла^{viii}. По местному преданию, льготы соянцам были «пожалованы» Екатериной II.^{ix} По архивным материалам, бобыли – первопоселенцы, которые были поселены здесь Антониево-Сийским монастырем. Представители младшего поколения не принимают соянцев это прозвище и обижаются на него.

Помимо этого в речи жителей используются различные дразнилки. В них присутствуют прозвища жителей деревень, которые включают в себя поселенческие общности, относящиеся к одной локальной группе:

- 1) кулояне (жители деревень Совполье и Карьеполье, расположенные в верховьях реки Кулой);
- 2) долгощельцы (с. Долгощелье);
- 3) соянцы (с. Сояна);

Итак, фольклорная традиция обследованного нами региона сильно разрушена, хотя отдельные ее компоненты сохраняют функциональность или удерживаются в культурной памяти населения.

Лодки на берегу реки Сояны, д. Сояна, 2009 г.

По сравнению с пинежскими деревнями, хорошо изученными нами в предыдущих экспедициях, фольклорная традиция Сояны оказалась слабее. Утрачены певческая культура (сделаны единичные записи протяжных песен) и традиция исполнения сказок. При этом отмечено большое количество песенных литературных переделок. Более функциональными являются магическая практика и фольклор речевых ситуаций. Слабо представлена (по всем имеющимся материалам) календарная обрядность, но живы в воспоминаниях традиции съезжих праздников.

Ситуация сходна с той, которую мы наблюдали и зафиксировали на территории Совпольского сельского совета (в верхнем течении Кулоя), где в 2003 г., как упоминалось ранее, была организована работа еще одной нашей экспедиции. Сделанные наблюдения позволяют говорить о существовании единой кулойской фольклорной традиции, локальными вариантами которой являются соянская и совпольская. Следует отметить также большую близость кулойского материала мезенской фольклорной традиции, которая охватывает бассейн Нижней и Средней Мезени, нижнепинежской (нижнее течение реки Пинеги) и традиции Зимнего берега Белого моря.

Этнокультурная традиция Сояны, в целом, интересна как вариант севернорусской культуры и локальный тип поморской культуры.

Список информантов

1. Беляева Т.А., 1955 г.р.
2. Бурмакин В.П., 1958 г.р.
3. Бурмакина П.М., 1922 г.р.
4. Бугорина М.А., 1907 г.р.
5. Вишнякова М.А., 1927 г.р.
6. Горбунов В.В., 1967 г.р.
7. Горбунов Д.Г., 1932 г.р.
8. Горбунов Н.Д., 1959 г.р.
9. Горбунова А.К., 1963 г.р.
10. Горбунова Е.А., 1972 г.р.
11. Зябишев Н.А., 1964 г.р.
12. Зябишева В.Н., 1996 г.р.
13. Зябишева Т.Г., 1939 г.р.
14. Кокорина А.С., 1945 г.р.
15. Коптяков Ю.С., 1967 г.р.
16. Крапивин А.П., 1963 г.р.
17. Крапивин В.Н., 1941 г.р.
18. Крапивин И.А., 1958 г.р.
19. Крапивина А.А., 1925 г.р.
20. Крапивина Л.В., 1948 г.р.
21. Крапивина Н.С., 1931 г.р.
22. Крапивина Т.Г., 1926 г.р.
23. Красикова А.Е., 1924 г.р.
24. Локтева Т.В., 1971 г.р.
25. Лыкова Г.П., 1961 г.р.
26. Мелехов Е.Д., 1935 г.р.
27. Нечаев А.А., 1967 г.р.
28. Нечаев В.Н., 1991 г.р.
29. Нечаев В.Т., 1929 г.р.
30. Нечаев И.П., 1933 г.р.
31. Нечаева Т.А., 1967 г.р.
32. Нечаева У.А., 1928 г.р.
33. Нечаева Ф.Т., 1927 г.р.

34. Орлов И.К., 1958 г.р.
35. Подсвинова Н.М., 1940 г.р.
36. Рочев Г.Г., 1963 г.р.
37. Рычкова Е.Н., 1932 г.р.
38. Титов В.С., 1944 г.р.
39. Широкая У.Е., 1921 г.р.
40. Широкий А.А., 1979 г.р.
41. Шуваева Ю.И., 1927 г.р.

* Статья написана при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства

ⁱ Дранникова Н.В., Новиков Ю.А. Фольклорная экспедиция на Кулой // Живая старина. 2003. № 2. С. 36–38.

ⁱⁱ Материалы экспедиции находятся в папке Фольклорного архива Поморского государственного университета (далее – ФА ПГУ П. 598)

ⁱⁱⁱ Архангельские былины и исторические песни / Собр. А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. С напевами, запис. поср. фонографа: В 3 т. Т. 2. Прага, 1939; Озаровская О.Э. Пятиречье. Л., 1931; Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1989; Хомчук Н.И. Экспедиции О.Э. Озаровской // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 345–380. Неопубликованные материалы хранятся в РО ИРЛИ. Колл. 12. П. 1–3, 6; Лобанов М.А. Старинные обряды и традиционный фольклор в деревнях и селах по реке Кулой, Абрамовскому и Зимнему берегам Белого моря // РФ. Т. 22: Полевые исследования. Л.: Наука, 1984. С. 35–49.

^{iv} Дранникова Н.В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6 – 8 июня 2001 года) / Отв. ред. Н.В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2002. С. 83–92.

^v Дранникова Н.В., Разумова И.А. Демонологические рассказы в архангельской локальной традиции // Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. С. 18.

^{vi} Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. С.321-341.

^{vii} Там же. С. 18–19.

^{viii} Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975–2000. Вып.1. С. 255.

^{ix} Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая поэтика, этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. С. 119.